

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ДЕЙКТИЧНОСТИ
И ЭГОЦЕНТРИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ МАКЕРОВ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)**

А. В. Аверина

Московский государственный областной университет

**ON THE CORRELATION OF DEICTICITY AND EGOCENTRICITY
(CASE STUDY OF GERMAN EPISTEMIC MARKERS)**

A. V. Averina

Moscow Region State University

Поступила в редакцию 25 октября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о дейктичности и эгоцентричности эпистемических маркеров в немецком языке. Показано, что дейктичность эпистемических маркеров проявляется в том, что они указывают на нефактивность ситуации, т. е. на определенную степень ее вероятности. В роли «дейктического центра» выступает либо говорящий, либо 3-е лицо. В первом случае эпистемические маркеры способны проявлять высокую степень своей эгоцентричности, во втором это свойство выражено в меньшей степени.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, эгоцентричность, дейктичность, говорящий, модусный субъект.

Abstract: the article deals with the deictic and egocentric features of epistemic markers in German. It is shown that one can speak about the deicticity of epistemic markers because of their ability to indicate non-factivity of the situation, i.e., a certain degree of its probability. A speaker or a 3rd person can be considered as a "deictic center". In the former case epistemic markers can reveal a high level of their egocentricity, whereas in the latter case this feature is expressed to a smaller extent.

Key words: epistemic modality, egocentricity, deicticity, speaker, modus subject.

Вопрос о соотношении понятий «дейктичность» и «эгоцентричность» в лингвистике поднимался неоднократно, но тем не менее не получил до настоящего времени однозначного толкования. В этой связи следует отметить работы К. Бюлера [1], Е. В. Падучевой [2], Г. Дивальд [3; 4] Ю. Д. Апресяна [5], В. Абрахама [6], Э. Лайсс [7], М. Котина [8] и других исследователей. В работе Г. Дивальд [3] и Ю. Д. Апресяна [5] дейктики трактуются как эгоцентричные элементы, в то время как Е. В. Падучева считает, что дейктики не всегда эгоцентричны [2]. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы сопоставить обе концепции и на примере анализа эпистемических маркеров в немецком языке проследить, в какой степени про-

являются их дейктичные и эгоцентричные свойства. В этой связи мы хотели бы дать ответы на следующие вопросы: 1) что относится к сфере дейксиса? 2) Где проявляются точки соприкосновения дейктиков и эгоцентриков? 3) Можно ли рассматривать эпистемические маркеры как дейктики и почему? 4) Как можно определить степень эгоцентричности эпистемических маркеров? В качестве иллюстративного материала были использованы примеры, отобранные из корпуса DECOW 16A.

Остановимся сначала на интерпретации дейксиса К. Бюлером. Одной из его несомненных заслуг является замечание о существовании указательного поля: так, он пишет, что «в языке есть лишь одно-единственное указательное поле, семантическое наполнение указательных слов привязано к воспринимаемым

указательным средствам и не обходится без них или их эквивалентов» [1, с. 75].

В указательном поле человеческого языка К. Бюлер помещает три указательных слова – *hier* (здесь), *jetzt* (сейчас) и *ich* (я). Исходная точка указательного поля – *Origo*. В роли *Origo* выступает говорящий (пишущий). Дейктичные слова и конструкции могут иметь различные способы указания: реальный дейксис, когда говорящий обращается к собеседнику и указывает на что-либо; дейксис к воображаемому (*Deixis am Phantasma*), «когда рассказчик вводит слушателя в мир вспоминаемого заочно и вообще в мир конструктивной фантазии и обращается к нему при помощи тех же указательных слов, чтобы он увидел и услышал то, что там можно увидеть и услышать» [1, с. 114]; анафорический дейксис, назначение которого состоит в соединении указания с презентацией, «в анафоре сам контекст возводится в ранг указательного поля» [1, с. 353].

К. Бюлер пишет о существовании локального, временного и персонального дейксиса. Применительно к соотношению эгоцентричности и дейктичности К. Бюлер отмечает, что «эгоцентрический аспект важен лишь настолько, насколько отношения положения в собственном теле служат основой для семантических переносов» [1, с. 135]. В этой связи К. Бюлер приводит пример из работы В. Шмидта, в которой описаны строго экзогамные сообщества в Австралии, где женщин приводят из других племен, и в новом окружении они продолжают говорить на своем родном языке даже при общении с говорящими по-другому мужчинами. Они понимают друг друга, но сами не перенимают чужой язык. «При этом возникает причудливый феномен: *мы* из уст мужчины звучит по-разному: в зависимости от того, включает ли оно в себя или исключает ту женщину из другого рода, к которой он обращается. Существует инклюзивное и эксклюзивное *мы*» [1, с. 129].

Таким образом, согласно концепции К. Бюлера, эгоцентричность дейктиков проявляется тогда, когда важно подчеркнуть вовлеченность *Origo* в обозначение лиц, времени и места. Идеи К. Бюлера получили дальнейшее развитие в современных исследованиях.

В работах Г. Дивальд [3; 4], Э. Лайсс [7], В. Абрахама [6] и М. Л. Котина [8] маркеры эпистемической модальности трактуются как дейктики. Если К. Бюлер говорит о существовании локального, временного и персонального дейксиса, то Г. Дивальд расширяет сферу дейктичности и относит к ней еще модальный и эвиденциальный дейксис [3; 4]. Так, она пишет, что «*Origo* как исходный пункт дейктичного процесса закреплен за говорящим. Из того, что в процессе восприятия воспринимающий субъект становится центром и исходной точкой, следует, что этот субъект, как только перенимает роль говорящего, переносит

свою перспективу в язык: говорящий – это местонахождение *Origo*, с позиции которого мир упорядочен и представлен» (перевод наш. – А. А.) [3, с. 28]. Дейктичный процесс может быть представлен как вектор, т. е. как взаимосвязь исходного и целевого пунктов. Он содержит тем самым некое имеющее определенную направленность отношение, связанное с контекстом. Направленность отношения и его соотносительность с контекстом связаны друг с другом наитеснейшим образом [3, с. 25]. В роли исходной точки системы координат выступает *Origo*. За *Origo* закреплена, как правило, роль говорящего. Со сменой говорящего происходит и смена *Origo* [3, с. 28–29].

Включение модальных элементов позволяет представить события с позиции говорящего, т. е. модальность – это «высшая» семантическая категория предложения, оказывающая влияние на все другие категории» [3, с. 239]. Именно по этой причине вопросы формулируются ко всему предложению в целом (*Kommt er?* – «*ja*», «*vielleicht*», «*nein*»). Фактивные предложения Г. Дивальд представляет как слабые дейктики (под фактивными понимаются предложения типа *Sie geht in die Stadt*, когда говорящий констатирует факты объективной действительности); нефактивные предложения отличаются сильной дейктичностью (под нефактивными понимаются предложения типа *Vielleicht geht sie in die Stadt*, когда говорящий указывает на возможность существования факта), поскольку нефактивность представленной ситуации находит свое отражение в модальных маркерах в виде сцены. Тем самым говорящий, используя модальные слова, показывает, что с его позиции та или иная сцена является / не является очевидной [3, с. 243].

Согласно наблюдениям Г. Дивальд, сильные дейктики имеют объект в поле указания, а слабые дейктики не имеют этого объекта, модифицируя само высказывание. Так, например, модальные слова и наречия Г. Дивальд рассматривает как сильные дейктики, поскольку они не модифицируют целое высказывание: *Wann wart ihr in der Ausstellung?* – *Gestern*. *Kommt ihr?* – *Vielleicht*. Слабые дейктики модифицируют высказывание. Так, например, в предложении *Wir waren gestern in der Ausstellung* глагол в форме *Präteritum* модифицирует высказывание, являясь слабым дейктиком.

Наблюдения Г. Дивальд о дейктичности эпистемических маркеров развивают В. Абрахам, Э. Лайсс и М. Котин.

Так, В. Абрахам обозначает модальные частицы как *Fremdbewußtseinsabgleicher* («корректоры чужого сознания») [6, с. 128]. Эти слова обладают многоплановой дейктичностью: 1) говорящий оценивает осведомленность собеседника; 2) дает ему об этом знать; 3) предлагает ему выразить свою позицию по отношению к оценке говорящего [6, с. 140]. Дейктич-

ны и модальные глаголы во вторичном (эпистемическом или эвиденциальном) значении. Модальным частицам приписывается статус дейксиса говорящего (Sprecherdeixisstatus), т. е. статус, позволяющий говорящему давать оценку позиции собеседника [Там же].

Э. Лайсс, рассматривая многоплановую дейктичность модальных частиц, пишет, что это свойство позволяет их рассматривать как грамматические элементы языковой системы; многоплановая дейктичность не характерна для модальных слов, которые, соответственно, являются лексическими элементами языковой системы [7].

М. Котин, анализируя дейктичность эпистемических маркеров, показывает, что модальные слова и модальные частицы (например, *wahrscheinlich*, *vielleicht*, *wohl* и т. д.) как модальные операторы предложения дают оценку различных степеней вероятности выраженного в предложении содержания с позиции Origo, поскольку характеристика Origo осуществляется через трансформацию иллокутивной силы предложения. Таким образом, назначение предложений с модальными элементами не в том, чтобы изложить объективную информацию собеседнику, а в том, чтобы выразить позицию говорящего, например: *Er kommt um neun vs. Er kommt wohl um neun* [8, с. 272].

Действительно, эпистемическую модальность можно отнести к дейктичным категориям потому, что она позволяет представить ситуацию как нефактичную, а само по себе представление ситуации как возможно существующей является объектом, на который указывает Origo. Так, если мы сопоставим предложения:

(1) *Er geht ins Theater.*

(2) *Vielleicht geht er ins Theater,*

то увидим, что в первом случае говорящий представляет факт как данность, которая имеет место, в то время как во втором случае он указывает на возможность существования данного факта. Предложения первого типа Г. Дивальд называет как включающие Origo (*origoinklusiv*), предложения второго типа – как исключающие Origo (*origoexklusiv*) [3].

В российской лингвистической традиции модальность не относят к сфере дейксиса, однако вопрос о соотношении дейктичности и эгоцентричности поднимался неоднократно.

Об эгоцентричности дейктиков пишет и Ю. Д. Апресян. Он считает, что дейктическая лексика эгоцентрична, а ее семантической основой является понятие «я», «его», «говорящий». «Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка» [5, с. 274]. В основе главной оппозиции, организующей дейктическую лексику, лежит противопоставление «я – не я». Это оппозиции ближнего и дальнего

дейксиса. Ю. Д. Апресян пишет о разграничении первичного и вторичного дейксиса. Первичный дейксис – это дейксис диалога, дейксис нормальной ситуации общения: говорящий и собеседник видят друг друга и их сознанию доступен один и тот же фрагмент окружающего мира. Вторичный дейксис не связан с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа. К дейктической лексике Ю. Д. Апресян относит обозначения лиц, времени и пространства.

Е. В. Падучева переносит режимы интерпретации дейктических элементов в сферу толкования эгоцентриков. В речевом режиме роль говорящего выполняет реальный говорящий, в нарративном повествовательном режиме реальный говорящий отсутствует. Соответственно, к первичным эгоцентрикам относятся такие единицы, которые могут выступать в речевом повествовательном режиме, а к вторичным – те, которые могут иметь место в нарративном повествовательном режиме [2]. Е. В. Падучева относит к эгоцентрикам модальные и метатекстовые элементы, слова с оценочным значением, указывая на то, что они не являются дейктиками. Дейктическая проекция не всегда предполагает говорящего. Так, в надписи *Здесь не курят* слово *здесь* понимается как «там, где находится адресат», а не говорящий [2, с. 261]. Дейктическим Е. В. Падучева называет такой элемент, «который выражает идентификацию объекта – предмета, места, момента времени, свойства, ситуации – через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту» [2, с. 244]. В. А. Плунгян называет Origo «дейктическим центром»: «дейксис – это шифтерная ориентация объекта или ситуации, т. е. указание на положение в пространстве или времени относительно “дейктического центра”, связанного с речевым актом» [9, с. 261]. В роли дейктического центра, согласно В. А. Плунгяну, выступает говорящий.

Мы полагаем, что в роли дейктического центра может выступать не только говорящий, но и некое третье лицо, сравним:

(3) *Я считаю, что мы едем завтра.*

(4) *Иван считает, что мы едем завтра,*

где дейктическая проекция осуществляется со стороны говорящего в (3), а в (4) – со стороны 3-го лица.

Сам же говорящий может как соглашаться с позицией предполагающего субъекта, так и не разделять ее. Так, в предложении (4) указание на модусный субъект создает так называемый парадокс имплицитного выражения (термин Т. Фритца – «Markierungsparadoxon» [10]): зачастую, подчеркивая позицию 3-го лица, говорящий показывает, что он либо не согласен, либо мнение собеседника для него странно. В этом случае можно говорить о двуплановой дейктичности: указание на фактивность ситуации с позиции говорящего и с позиции субъекта главного предложения.

Остановимся на вопросе о соотношении дейктичности и эгоцентричности.

Маркеры эпистемической модальности как дейктики имеют различную степень эгоцентричности. Так, если в роли дейктического центра выступает говорящий, то можно говорить о высокой степени их эгоцентричности. Если же роль дейктического центра выполняет некое третье лицо, то эгоцентричность эпистемических маркеров выражена меньше. В роли теста для определения степени эгоцентричности модальных элементов могут выступать повествовательные режимы, о которых пишет Е. В. Падучева [2]: речевой, когда роль говорящего выполняется реальным говорящим, и нарративный, когда в роли говорящего выступает либо один из персонажей, либо повествователь [2, с. 265]. Высокой степенью эгоцентричности обладают ударные частицы – они могут быть использованы только в речи самого говорящего. Рассмотрим в этой связи ряд примеров:

(5a) *Nelle: ... es gibt eine andere.*

John: Nein-nein-nein, niemanden!

Nelle: DOCH, da ist jemand [11].

В приведенном высказывании ударная частица *DOCH* передает установку говорящего (*Nelle*), посредством ударной частицы можно передать установку третьего лица только в том случае, если эту позицию разделяет говорящий:

(5b) *John: ich habe keine andere.*

Maria: Nelle sagt, dass du DOCH eine andere hast.

Аналогичную функцию выполняет и финитная форма глагола под ударением (в немецкой терминологии – *Verumfokus* [12; 13], в отечественной традиции – верификативная рема [14]). Так, следующий пример является трансформацией предложения (5b):

(5c) *John: Ich habe keine andere.*

Nelle: Du HAST eine.

В высказывании (5c) говорящий передает свою позицию, это речевой повествовательный режим, когда и говорящий, и собеседник видят друг друга.

Использование фокуса истинности возможно и тогда, когда говорящий передает позицию 3-го лица, но при этом показывает, что он ее разделяет:

(5d) *Peter sagt, dass du eine andere HAST.*

Меньшая степень эгоцентричности эпистемических маркеров проявляется в случае использования модальных частиц – говорящий может передать и свою позицию, и позицию 3-го лица, сравним:

(6) *Zu erwähnen wäre noch, dass ja für den Oktober ein Vorschlag zum Parkeintritt angekündigt war und darauf bin ich gespannt [11].*

(7) *Er meinte nur, dass ja auch zu 45 % der Mann Schuld sein kann! [11]*

В примере (6) частица *ja* позволяет передать установку говорящего (субъектное придаточное пред-

ложение), в следующем высказывании (7) частица передает позицию субъекта главного предложения (*er*), которую говорящий отчасти разделяет.

Модальные слова в немецком языке также способны передавать как позицию говорящего, так и 3-го лица, сравним:

(8) *Ich dachte nur, dass vielleicht ein etwas „einfacherer“ Weg, als das „Verschieben“ vorhanden sein könnte [11].*

(9) *Die Broschüre der Nationalparkverwaltung meint, dass vielleicht kein anderer Platz auf Erden so überraschend auf den Betrachter wirkt, wie der „Grand Canyon“ [11].*

В предложении (8) модальное слово передает предположение говорящего, в следующем высказывании (9) – позицию субъекта главного предложения.

В результате можно говорить о том, что маркеры эпистемической модальности, способные выступать только в речевом повествовательном режиме, отражают позицию говорящего и проявляют высокую степень эгоцентричности. К этой группе можно отнести *Verumfokus* и ударные частицы. Маркеры эпистемической модальности, которые могут выступать в нарративном повествовательном режиме, обладают меньшей степенью эгоцентричности – к этой группе относятся, например, модальные частицы и модальные слова, причем специфика модальных слов заключается в том, что говорящий может разделять, а может и не разделять позицию 3-го лица, в то время как в случае с модальными частицами эпистемическая оценка принадлежит как говорящему, так и пропозициональному субъекту. В предложении с глаголами с эпистемической семантикой с пропозициональным субъектом, в роли которого выступает некое 3-е лицо, имплицитно маркируется и позиция говорящего, как это можно проследить на примере (4), сравним аналогичный пример:

(10) *Mein Internist hat mir den Vorschlag gemacht, ich sollte ein Schluckecho machen lassen, um festzustellen wie groß das Loch ist, um es dann evtl. schließen zu lassen. Er meint, dass ich alle Risikofaktoren hätte, deshalb wäre es besser vorzubeugen. Außerdem war er vor kurzem bei einer Fortbildung zu diesem Thema. Ich möchte mir ungern ein Schluckecho machen lassen, weil das eine sehr unangenehme Untersuchung ist, aber wenn es sinnvoll ist, würde ich es machen lassen. Aber das Loch zu schließen, ist für mich doch ein großer Eingriff und davor hätte ich auch Angst. Meinen Sie, dass es sinnvoll ist, eine solche Untersuchung machen zu lassen? Und ist die Schließung des Loches ein gefährlicher Eingriff? [11].*

В приведенном высказывании говорящий подчеркивает, почему модусный субъект (врач) считает важным провести обследование, при этом сам сомневается в его необходимости – эти сомнения отражены

в конце фрагмента. В этом случае речь идет о двуплановой дейктивности (указание на 3-е лицо как источник информации и позиция говорящего, которую можно выявить из контекста).

Применительно к частицам, кодирующим семантику эпистемической модальности, в ряде случаев можно говорить о скрытой многоплановой дейктивности. Как уже было отмечено, модальные частицы, согласно позиции В. Абрахама, обладают многоплановой дейктивностью, поскольку аппелируют к позиции собеседника и выступают в роли «корректоров чужого сознания». Это свойство делает их синтаксически неподчинимыми: они неспособны иметь место в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях, сравним:

(11a) *Er antwortete, dass wohl Allwetterreifen drauf sein müssten* [11].

(*11b) *Er leugnete, dass wohl Allwetterreifen drauf sein müssten*.

Предложение (11a) является иллокутивно самостоятельным, модальная частица может употребляться; придаточное предложение (11b) иллокутивно несамостоятельно, модальная частица не может иметь места. Подробно вопросы о возможности включения модальных частиц в придаточные предложения были рассмотрены в работе А. В. Авериной [15].

Итак, анализ различных концепций и фактического материала позволяет нам сделать следующие выводы.

1. В роли дейктического центра может выступать не только говорящий, но и некое 3-е лицо. Дейксис – это указание на место, лицо, время, либо фактивность/нефактивность ситуации.

2. Дейктивность и эгоцентричность пересекаются, но не тождественны друг другу. Эгоцентричность проявляется в большей степени у тех эпистемических маркеров, которые могут использоваться только в речевом повествовательном режиме и отражают позицию говорящего. В меньшей степени она проявляется у маркеров эпистемической модальности, способных иметь место в нарративном тексте. Специфика модальных частиц проявляется в том, что они способны передавать одновременно как установку говорящего, так и позицию пропозиционального субъекта, в то время как модальные слова способны передавать только позицию 3-го лица, если имеют место в объектных придаточных предложениях.

3. Применительно к немецким модальным частицам можно говорить о скрытой дейктивности, поскольку они являются «корректорами чужого сознания» (В. Абрахам). Проявляется это в том, что модальные частицы не могут использоваться в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях.

4. В предложениях с модальными предикатами возможно выражение проекции говорящего и проекции 3-го лица («парадокс эксплицитного выражения»). В свою очередь, это создает двуплановую дейктивность (указание на фактивность ситуации со стороны говорящего и со стороны 3-го лица).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер ; пер. с нем. Т. В. Булыгиной. – М. : Прогресс, 2000. – 528 с.

2. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 479 с.

3. Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen / G. Diewald. – Berlin : de Gruyter, 2010. – 446 S.

4. Diewald G. Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität / G. Diewald // Funktionen der Modalität. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013. – S. 77–110.

5. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 629–650.

6. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung / W. Abraham // Modalität und Evidentialität. – Trier : Focus, 2011. – S. 125–147.

7. Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik / E. Leiss // Modalität und Evidentialität [Fokus 37]. – Trier : Wissenschaftlicher Verlag, 2011. – S. 149–169.

8. Kotin M. L. Die Sprache in statu movendi / M. L. Kotin. – Bd. 1. – Heidelberg : Winter Verlag, 2007. – 274 S.

9. Плуныян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плуныян. – М. : УРСС, 2000. – 384 с.

10. Fritz Th. Wahr-Sagen : Futur, Modalität und Sprecherbezug / Th. Fritz. – Hamburg : Buske, 2000. – 231 S.

11. DECOW 16 A. – Mode of access: www.webcorpora.org

12. Höhle T. N. Verum-Fokus / T. N. Höhle // Sprache und Pragmatik 5. – Arbeitsberichte. Lund, 1988. – S. 1–7.

13. Höhle T. N. Über Verum-Fokus im Deutschen / T. N. Höhle // Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1992. – S. 112–141.

14. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 312 с.

15. Aверина А. Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen / А. Аверина. – Frankfurt-am-Main : Peter Lang, 2015. – 240 S.

REFERENCES

1. Bühler K. *Theory of language. Representational function of language*. Transl. by T. V. Bulygina. Moscow: Progress, 2000. 528 s.
2. Paducheva E. V. *Studies in semantics. Semantics of time and aspect in the Russian language. Semantics of narrative*. 2nd Edition. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2010. 479 s.
3. Diewald G. *Deixis und Textsorten im Deutschen*. Berlin: de Gruyter, 2010. 446 S.
4. Diewald G. Modus und Modalverben – Kategorisierungsoptionen im grammatischen Kernbereich der Modalität. *Funktionen der Modalität*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. S. 77–110.
5. Apresyan Y. D. *Deixis in vocabulary and grammar and a model of naïve worldview. Selected writings*. 2 Volumes. Moscow: Yazyki russkoj kultury, 1995. S. 629–650.
6. Abraham W. Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung. *Modalität und Evidentialität*. Trier : Focus, 2011. S. 125–147.
7. Leiss E. Lexikalische versus grammatische Epistemität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik. *Modalität und Evidentialität [Fokus 37]*. Trier : Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149–169.
8. Kotin M. L. *Die Sprache in statu movendi*. Bd. 1. Heidelberg: Winter Verlag, 2007. 274 S.
9. Plungyan V. A. *General morphology. Introduction to main issues*. Moscow : URSS, 2000.
10. Fritz Th. *Wahr-Sagen : Futur, Modalität und Sprecherbezug*. Hamburg : Buske, 2000. 231 S.
11. DECOW 16 A. Available at: www.webcorpora.org.
12. Höhle T. N. Verum-Fokus. *Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte*. Lund, 1988. S. 1–7.
13. Höhle T. N. Über Verum-Fokus im Deutschen. *Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4*. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1992. S. 112–141.
14. Yanko T. E. *Intonation strategies of Russian speech from a comparative perspective*. Moscow : Yazyki slavyanskoj kultury, 2008. 312 s.
15. Averina A. *Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln ja, doch und denn im Deutschen und ved', že und vot im Russischen*. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2015. 240 S.

Московский государственный областной университет

Аверина А. В., доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии
E-mail: Anna.averina@list.ru

Moscow State Region University

Averina A. V., Doctor of Philology, Professor of the Germanic Philology Department
E-mail: Anna.averina@list.ru